

дня месяца аяру, т.е. 27 мая 560 г. (№ 91). Ссылаясь на этот текст, Зак датирует начало царствования Нериглиссара концом мая 560 г. Фото этого документа, на мой взгляд, довольно нечетливо, но если транслитерация верно воспроизводит текст таблички, то возникает явное противоречие с датировками двух давно известных текстов, которые были соответственно составлены 3 и 7 августа 560 г. и относятся к царствованию Амель-Мардука. Можно надеяться, что будущие находки клинописных табличек внесут ясность в этот вопрос.

К настоящему времени опубликовано около 200 документов времени Нериглиссара, 104 из которых даны в рецензируемой книге в транслитерации и переводе, в том числе 19 ранее не издававшихся табличек из Британского музея (№ 85–104). Часть документов, датированных по правлению Нериглиссара, не включена в рецензируемый корпус, либо потому, что они сильно разрушены и поэтому не поддаются связному переводу, либо уже были опубликованы недавно другими ассириологами и поэтому не нуждаются в переиздании. Более двадцати текстов происходит из Сиппара, остальные из Ниппура, Киша, Вавилона, Урука и других городов. Остановимся на некоторых наиболее интересных текстах.

№ 82 содержит поручительство одной женщины за своего мужа перед его братом и ее обязательство привести его к брату, когда тот вернется «из той стороны» города Акшака. № 85 фиксирует денежную ссуду под залог рабыни, отданной в антихрету. По условиям документа, в течение двух лет кредитор не будет платить за труд рабыни, но также не будет получать проценты на ссуду, которая составляла 30+ [...] сиклей серебра. Однако если рабыня «уйдет куда-либо», должник обязан за каждый день ее отлучки платить кредитору по три литра ячменя. Документ был написан в Вавилоне самим должником в присутствии своей матери. № 87 является контрактом о продаже дома «в центре Сиппара» за 1 мину 5 сиклей серебра. № 93 фиксирует выдачу одного сикля серебра, чтобы законопатить лодки. В № 95 некий Лабашид сдал на склад храма Эбббарра в Сиппаре 38 талантов (1140 kg) муки. По свидетельству № 97, 18 литров семян кресс-салата стоили 60 литров ячменя. В № 100 два родственника выделяют соответственно 20 кувшинов «отменного» пива и 30 сиклей серебра для совместной торговли, доходы от которой предполагалось поделить поровну. Кроме того, один из контрагентов отдал для торговых целей свой дом в Сиппаре, за который его компаньон обязался платить 8 сиклей серебра в год (перевод Зака «в месяц» является явным недосмотром). В № 104 отмечается выдача 56 литров ячменя в качестве корма для 390 птиц.

В заключение мы должны сказать, что благодарны проф. Заку за публикацию значительного количества вавилонских документов разнообразного содержания, которые являются ценным дополнением к многим тысячам ранее изданных синхронных текстов. Хотя единственный документ о ссуде, аренде земли или дома или контракт об обучении какому-либо ремеслу иногда может многое сказать об эпохе, в большинстве случаев такие документы, взятые сами по себе, изолированно от других текстов, не представляют значительного интереса. Лишь составляя из отдельных документов целые архивы, относящиеся к жизни одного и того же индивидуума или одних и тех же семей на протяжении нескольких поколений, можно максимально использовать информацию, содержащуюся в документах повседневной жизни. Поэтому публикация новых текстов независимо от того, являются ли они уникальными или заурядными, еще долго останется важной задачей ассириологов.

М.А. Дандамаев

© 1997 г.

CARL A. ANDERSON. *Athena's Epithets. Their Structural Significance in Plays of Aristophanes*. Stuttgart – Leipzig: B.G. Teubner, 1995. XV, 99 S.

Всякому, конечно, ясно, что переработанная для печати диссертация по классической филологии, даже если она, как в нашем случае, выходит в солидном зарубежном издательстве, не ставит перед собой целью решить какие-либо глобальные задачи или прийти к всеобъемлющим теоретическим выводам. Хорошо, если удастся добавить какие-то незамеченные штрихи к характеристике того или иного явления, к образу того или иного автора. Особенно это касается знаменитых афинских драматургов, о каждом из которых в истекающем столетии

написаны десятки книг и сотни (если не тысячи) статей. Аристофан в этом смысле не составляет исключения, и поэтому я с некоторым недоумением воспринял сообщение в Тойбнеровском каталоге о выходе в свет названной выше книги. Исполнив веку имя Афины сопровождало около десятка постоянных, «сросшихся» с ней эпитетов (Παλλάς, πολιοῦχος, γλαυκῶπις, τριτογένεια), и оставалось загадочным, каково могло быть их «структурное значение» в пьесах Аристофана. Недоумение мое несколько рассеялось, когда я прочитал саму книгу, любезно присланную мне издательством.

Отметим сразу же два ее главных положительных качества. Во-первых, обследование эпитетов Афины включено в достаточно широкий социальный (точнее – социально-психологический) контекст. Во-вторых, автор явно не склонен расценивать каждое слово Аристофана как сказанное только ради возбуждения смеха – такая точка зрения, достаточно распространенная в середине нашего века, все больше уступает место серьезной оценке общественно-политических и эстетических принципов «отца комедии» (см., например, главу о комедии, принадлежащую Э. Хэндли, в «Кембриджской истории античной литературы». Т. I. 1985).

В рецензируемой книге после краткого введения (с. 1–8) наиболее обширную I главу (с. 9–38) составляет рассмотрение эпитетов Афины во «Всадниках», следующую, II – в «Лисистрате» (с. 39–55), II – в «Фесмофоризаусах» (с. 57–68); в IV собраны упоминания Афины или обращения к ней в «Облаках», «Птицах», «Мире», «Экклесиастах» и «Плутосе» (с. 69–78). Существенной роли характеристика богини в них не играет, но вносит кое-какие дополнительные нюансы в уже сложившуюся картину (в «Ахарнянах», «Осах» и «Лягушках» Афина вообще не упоминается). Работа завершается двумя приложениями (эпитеты наиболее значительных богов в алфавитном порядке и по пьесам), весьма обширной библиографией (с. 85–96) и индексами использованных греческих слов, авторов и надписей.

Чтобы понять метод исследования и ход мысли автора, остановимся в качестве самого репрезентативного примера на главе I. Десять эпитетов Афины распределены здесь по трем пассажам: 1) в антоде парабасы (ст. 581–94); 2) в начале второго агона (763–68) и 3) в соревновании между Пафлагонцем и Колбасником, кто лучше накормит Демос (1151–1263). В первом случае хор вызывает к Афине как πολιοῦχος, Παλλάς и μεδέουσα. Первые два эпитета достаточно традиционны, но, поскольку хор просит богиню и о помощи в войне, и о победе в сценическом состязании, то призыв этот приобретает двойное значение: он исходит от всадников как непосредственных участников действия и одновременно от хора, заинтересованного в успехе пьесы. Последнее желание подкрепляется просьбой к богине явиться, взяв с собой «нашу помощницу Нику, подружку хоров». В этой связи Андерсон напоминает, что на время постановки «Всадников» приходится завершение строительства храма Афины-Ники на Акрополе, вызывавшее в городе всеобщий интерес. Таким образом, традиционные эпитеты богини наполняются тройным актуальным содержанием: с позиции хора как действующего лица; от имени хора как исполнителя, поддерживающего своего автора; с точки зрения аудитории, для которой постройка храма Ники означала вечное поселение на Акрополе столь желанной победы.

Что касается словосочетания μεδέουσα χώρας, то при богатой эпико-поэтической родословной причастия μεδέουσα наиболее близкую ассоциацию оно, по мнению автора, вызывало с известным декретом Фемистокла. Хотя между этим документом и временем постановки «Всадников» прошло более полвека, это выражение возвращало зрителей к славной эпохе марафономатов, т.е. предвещало омоложение Демоса в финале.

Опуская роль эпитетов Афины в агоне, где их торжественность приходит в явное противоречие с наглостью Пафлагонца, перейдем сразу к сцене «кормления» Демоса. Здесь автор противопоставляет друг другу эпитеты Афины, используемые соответственно Пафлагонцем и Колбасником. Для первого она τυλαίμαχος, φοβεσιστράτη и γοργολόφα (1172, 1177, 1180), т.е. в первую очередь олицетворение столь ненавистной для Аристофана войны и соответствующего ей поведения Пафлагонца. К тому же τυλαίμαχος («сражающаяся у ворот») звучит двусмысленно: Пафлагонец подносит Демосу сворованную ячменную лепешку, подобно тому, как он украл у Демосфена победу при Пилосе (ср. 54–57). Два других, торжественно звучащих эпитета (φοβεσιστράτη – «устрашительница войска», определение, вероятно, специально придуманное Аристофаном для данного случая, и γοργολόφα – буквально: «с горгоной на гребне от шлема»; здесь, вероятно, «горгоносултанной», ср. «Ахарняне», 567), создают комический эффект в сочетании с теми дарами, которые подает Пафлагонец.

Для Колбасника (и соответственно Демоса) Афина ὀμβριπόατρα, τριτογενής или просто ἡ θεός (1178, 1185, 1189). Из них первый эпитет напоминает знаменитую элегию Солона («дочь

могущественного отца», Афина простерла над Афинами свою длань, фр. 4W, 3–4) с той лишь разницей, что вторую половину пентаметра («длани простерла свои») Колбасник заменяет прозаическим «полным похлебки горшком», в придачу к которому подносит гигантскую выдолбленную хлебную корку, этим нехитрым «столовым прибором» афиняне, как известно, пользовались вместо ложки. Эпитет τριτοετής ставится в комедии в связь с аристофановским неологизмом ἐνετριτωίσειν: Колбасник подает Демосу вино, которое сама Афина смешала с водой в пропорции 3:2, считавшейся наиболее здоровой. Наконец, от имени Афины – ἡ θεὸς тот же Колбасник преподносит вовсе несъедобные кишки, которые он с помощью нехитрой словесной игры превращает в предмет, необходимый для оснастки корабля (τὰ ἔντερα – τὰ ἐντερόβεια, нынешние «шпангоуты»). Таким образом, эпитеты Афины, будучи количественно распределены поровну между двумя спорщиками, создают два прямо противоположных образа: ярого сторонника войны, прикрывающегося «грозными» эпитетами богини, и несравненно более близкого к нуждам простого народа его нового потенциального предводителя, трагующего эпитеты богини на сугубо бытовом уровне.

Достаточно подробное изложение основной главы рецензируемой книги дает, как нам кажется, адекватное представление о методе, в ней принятом. При этом нам пришлось, естественно, опустить в аргументации автора множество чисто филологических, эпиграфических и археологических деталей, которые он привлекает для всестороннего раскрытия анализируемых им эпитетов в контексте повседневной жизни Афин. В остающихся главах следует отметить также целый ряд интересных наблюдений. Так, старики в «Лисистрате», апеллирующие к Афине в образе δέσποινα Νίκη (317), готовы сжечь живьем женщин, захвативших Акрополь, не замечая при этом, что вместе с женщинами сгорит и сам Акрополь – оплот богини, который они так рьяно собираются защищать, – парадоксальная ситуация, никем, кажется, до сих пор не замеченная. В «Фесмориязусах» выделяются две группы стихов, в которых призыв к Афине насыщен ее эпитетами. Первый случай – ст. 317–319. Женщины просят Афины явиться в качестве παυκράτης – этот эпитет соединяется с образом Афины только здесь, поднимая ее на один уровень с Зевсом; κόρα γλαυκῶπις – каждое из слов, входящих в сочетание, традиционно для Афины, но, взятые вместе, они во всей драме V в. встречаются опять же только здесь, хотя известны из посвячительных надписей, найденных на Акрополе; таким образом, богиня ощущается как «своя», «домашняя», покровительствующая городу; наконец, эпитет χρυσόλοχος, засвидетельствованный еще раз только у Еврипида (Ион, 8 сл.), имеет в виду огромную статую Афины Промехос с золоченым наконечником копья, видимым с мыса Сунион, – так подчеркивается авторитет Афины, выходящий далеко за пределы охраняемого ею города. В другом случае (1136–1142), где сосредоточены пять эпитетов Афины и одно относящееся к ней придаточное предложение (ἡ πόλις ἡμετέραν ἔχει, «расшифровка» определения πολιοῦχος), выделим прилагательные φιλόχορος и κληιδόχος (оба они встречаются вместе с именем Афины только здесь). Первое из них свидетельствует о близости к богине, которую ощущают участники хора; второе напоминает знаменитое место из «Евменид» Эсхила (827–28) – здесь Афина говорит, что она – единственная из богов, знающая, где хранятся ключи от молний Зевса (κληίδας οἷδα δώματος) – это параллельное место поднимает для всех граждан авторитет Афины на недосыгаемую высоту. Так объединяются общегосударственная символика образа и его истолкование в конкретной сценической обстановке.

Этот обзор обидно заключать указанием на явную натяжку в духе психоанализа при трактовке названных выше ст. 1172 и 1178 и их окружения из «Всадников». Андерсон находит здесь и sexual joke, и отождествление ложки из хлебной корки, и Πύλος – с vagina Афины. Подобные двусмысленные спекуляции, на мой взгляд, недостойны серьезного исследователя, каким я считаю автора этого добросовестного и скрупулезного (в самом лучшем значении слова) труда.

В.Н. Ярхо